

П. ЛИНИЦКИЙ

О воле как мировом принципе (философия Шопенгауэра)

Каким образом Шопенгауэр пришел к тому выводу, что воля есть сущность вещей? Отрешение воли от явлений — конечная цель ее объективирований. Как происходит это отрешение? Различие между человеком и животным в этом отношении. Возможно ли совершенное отрешение воли от явлений посредством ума. Идеи и явления. Двойственность смысла основных понятий философии Шопенгауэра. Источник этой двойственности — разделение воли от разума. Истинное взаимоотношение между волею и разумом. Разум и воля — нераздельные стороны единого духа.

Что такое воля, это известно каждому по непосредственному опыту. Каждый непосредственно сознает самого себя не иначе как хотящим или не хотящим, так что воля в ее ближайших проявлениях, каковы хотение и нехотение, служит постоянным содержанием нашего самосознания. Самосознание есть сознание, обращенное на субъект сознающий, которому сознание принадлежит как его свойство. Если же постоянным содержанием самосознания служит воля, а вместе с тем самосознание есть сознание, обращенное на субъект, то посему мы должны признать волю элементом, или началом *субъективным*. Имея сознание о себе самом, сознавая себя субъектом хотящим или нехотящим, я в то же время сознаю также бытие других вещей вне меня, и отличных от меня. Сознание других вещей в отличие от самосознания не субъективно, а объективно, ибо направлено на объекты, противостоящие субъекту, а не на субъект, и потому оно есть познание, ибо всякое познание объективно. Сравнивая теперь самопознание с сознанием других вещей, или иначе, с познанием, мы находим, что сознание других вещей, как объективное, содержит в себе лишь образы существующего, иначе, представлены, напротив, в самосознании заключается самое существо субъекта, именно его воля. Самосознание открывает нам самую внутреннюю, интимную сторону нашего существа, тогда как сознание других вещей дает нам знать не самое бытие этих вещей, их существо, а только то, как вещи нам представляются, а представляются они сообразно с формами представляющей способности субъекта, и следовательно, не так, каковы они в *себе*, в своей сущности. Каковы вещи сами в *себе*, что они такое, об этом мы можем умозаключать единственно на основании самосознания, которое свидетельствует, что истинное наше существо есть воля; не должны ли мы полагать, что воля есть всеобщий принцип бытия вещей, что в ней заключается существо мира. Вот каким образом Шопенгауэр пришел к тому выводу, что сущность вещей есть воля. Мы познаем себя двояким образом: *объективно* посредством чувств и мышления и *субъективно* чрез самосознание. Объективно, т. е. чрез чувства и мышление, человек познает себя как тело организованное, состоящее из частей и подчиненное законам их взаимодействий; чрез самосознание же человек самому себе является в разнообразных состояниях воли. На этом основании мы должны полагать, что и всякая другая вещь имеет как объективную, так и субъективную сторону в своем существовании: объективно все вещи разделены пространством одна от другой, все подвержены различным переменам во времени, происходящим в причинной зависимости одна от другой; но со стороны субъективной, как противоположной объективной стороне, не должно быть разделения, ни изменения, ни причинной последовательности, следовательно, все вещи составляют в этом отношении

единое, нераздельное и неизменное бытие, и это есть мировая воля, единая и нераздельная во всех своих проявлениях. Но само собою понятно, что слишком недостаточно этих отрицательных определений о мировой воле. Определения эти выражают единственно ту мысль, что мировая воля должна быть отлична от своих проявлений, что, следовательно, те черты, которыми характеризуются все вообще явления, не должно относить к самой воле. Но что же можно еще сказать о мировой воле сверх этого? Так как для нас познаваемы только явления, ибо все наше познание состоит из представлений, а представление то же, что явление, то ничего более не остается для составления положительного учения о воле, как, определив отношение ее к явлениям, затем общие черты явлений признать обнаружениями и действиями воли. Явления, конечно, не должно смешивать с волею, но с другой стороны, в явлениях открывается воля и становится познаваемой. Будучи сама по себе субъективной, в явлениях воля объективирует себя, становится объективной. Поэтому различные разряды и виды явлений представляют собою степени объективирования воли. Так как все явления воли временны, а сама воля вечна и неизменна, то, проходя различные степени объективации, воля оканчивает тем, что снова возвращается к себе, становится чистою волею, заключенною в самой себе свободно от всяких проявлений. Само собою разумеется, что это возвращение воли к себе не может быть всеобщим, ибо оно означало бы в таком случае уничтожение мира, а только частным, состоящим в исчезании отдельных явлений. Так как уже хотение и не хотение составляют проявления воли, то отрешение воли от всяких ее проявлений должно заключаться, очевидно, в прекращении всяких желаний, так, чтобы ничего ни желать, ни не желать: всякое желание индивидуально, следовательно, ограничено, а воля неограниченна; поэтому никакое желание не может быть соразмерным выражением воли; отсюда сколько необходимо для воли проявлять себя в желаниях, столько же необходимо для нее стремиться к прекращению всякого рода желаний. Обнаружение воли в разнообразных желаниях мы видим в животном, и даже растительном царстве. Но стремление к прекращению желаний, наряду с необходимостью иметь их, свойственно только человеку. Поэтому тогда, как для других живых существ существует одно только средство к прекращению желаний — смерть, — человек один способен еще иным способом, во время жизни достигать погашения своих желаний, и главным образом желания жизни, именно чрез отвлекающее, а с другой стороны — чрез созерцательное действие своего ума. И животные обладают умом, — но у них нет способности к отвлеченному мышлению; они не способны образовать общих идей, а потому их ум прикован к свойственным им потребностям и желаниям, и вся деятельность животного обращена на изыскание средств к их удовлетворению. Человек же способен составлять отвлеченные общие понятия, а чрез то он отрешается от индивидуальных желаний, причем всецело входит в созерцание общих идей и соответствующих им предметов, преимущественно в области искусства; наслаждение прекрасным в том именно и состоит, что созерцающий, забывая самого себя, отрешается от себя и сливается с предметом, созерцаемым до совершенного безразличия и отождествления с ним. Таким образом ум, будучи лишь одним из множества мировых проявлений воли, служит, однако, средством для воли к освобождению ее от всяких проявлений. Но это очевидная невозможность. Каким образом воля посредством явления может сделаться не являемою? Каким образом возможно, чтобы целью явления было последствие, которое противоположно самой природе явления. Очевидно, что в настоящем случае мыслимо только одно из двух. Или то, что Шопенгауэр называет погашением всяких желаний, главным образом желания жизни как основного и первоначального, не есть на самом деле отрешение воли от ее проявлений, возвращение ее к первобытному состоянию свободы, а только лишь переход ее от одних явлений к другим, или же ум не есть одно из проявлений воли, а начало столь же первобытное и основное как сама воля. Первое из этих решений надо признать более соответствующим философии *Шопенгауэра*. Отрешение воли от явлений, достигаемое посредством ума, как сказано, состоит в созерцании общих идей, или типов, по которым образованы отдельные существа; но ведь и эти типы, или идеи, также должны быть причислены к явлениям воли; следовательно, обращаясь к созерцанию общих идей, воля

вовсе не выступает из области явлений. Почему же, однако, Шопенгауэр признает созерцание общих идей погашением желания жизни, следовательно, и всяких желаний, т. е. отрешением воли от своих проявлений. Потому, конечно, что всякое явление не может быть иным, как только индивидуальным; такое понятие о явлении вытекает само собою из условий являемости: условиями этими служат пространство, время и причинность; всякое явление поэтому должно иметь определенное пространство, время и состоять в причинной связи с другим явлением. Понятно само собою, что общие идеи никоим образом не подходят под эти условия; никакая общая идея не ограничена определенным местом, временем и причинною связью. Поэтому общие идеи, очевидно, следует исключить из области являемого; а так как именно общие идеи составляют содержание ума, то, следовательно, и ум должен быть изъят из области явлений. Но тогда необходимо было бы признать основным принципом мировых явлений не волю, а такое существо, свойствами которого были бы и воля, и ум вместе. Конечно, происхождение индивидуального ума относится к определенному месту и времени, но не таков должен быть универсальный, то есть божественный ум; последний должен быть безначален, следовательно, вечен. Таким образом, сама философия Шопенгауэра некоторыми из основных своих понятий приводит к тому выводу, что основной принцип этой философии, состоящий в том утверждении, что воля есть вещь в себе, истинное существо вещей, начало первичное и основное, — этот ее принцип требует исправления и дополнения. Замечательно, что все основные понятия философии Шопенгауэра отличаются двойственностью. Воля, по Шопенгауэру, есть начало субъективное, в противоположность уму, как началу объективному; однако, будучи субъективною, воля вместе с тем объективируется, становится объективною, следовательно, она есть столько же начало субъективное, сколько и объективное. Воля вне пространства, времени и причинной связи вещей, следовательно, непознаваема сама в себе; однако, мы знаем об ее существовании чрез непосредственное чувство, а насколько она объективируется, она делается познаваемою в ее явлениях, причем также, хотя сама по себе и не подлежит причинной связи, но необходимо мыслится как всеобщая причина явлений. И самые явления понимаются двояко: с одной стороны — как представления, как образы вещей, данные в нашем уме, и только в нем существующие, а с другой стороны — как объекты, противоположные субъекту представляющему, и от него отдельные. Конечная цель объективирования воли в явлениях также представляется неопределенною, по причине ее двусмысленности. Шопенгауэр определяет конечную цель жизни человека как погашение воли к жизни. Иначе не возможно представить волю, как она есть в самой себе, разве только в виде стремления к жизни, к существованию. Поэтому подавление такого стремления должно быть уничтожением самой воли. Конечная цель существования воли мировой есть, следовательно, прекращение этого существования. Воля совершенно погасает, уничтожается, как скоро ум, отрешенный от воли, замыкается в самом себе, в свойственном ему созерцании. Но с другой стороны, если воля есть сама сущность всякого бытия, есть вещь в себе, отличная от явлений, то она не может подлежать переменам происхождения и уничтожения, что свойственно только явлениям: явления то возникают, то исчезают, но сама воля должна быть вечно и неизменно сущою. Не было такого времени, когда бы воля не существовала; как же возможно, чтобы она уничтожилась? Итак, хотя Шопенгауэр и говорит о погашении воли к жизни, но следует разуметь под этим не уничтожение воли, что невозможно, а нечто другое, именно: очищение воли от всех мотивов, по которым она действует. Воля действует по мотивам, а мотивы — это представления, составляющие область ума. Основной мотив деятельности воли, без которого немислимы никакие другие, есть желание жить, существовать. Итак, погашение воли к жизни должно понимать не как уничтожение самой воли, а только в смысле очищения воли от всяких мотивов действия, следовательно, как прекращение ее деятельности. Деятельность воли состоит в том, что она объективирует себя, становится представляемою, к чему необходимым средством служит ум. Поэтому погашение воли к жизни должно еще понимать как совершенное отрешение воли от всякого общения с умом, а также в смысле возвращения ее из среды явлений к себе самой.

Воля, уничтожившая в себе всякое стремление к действию, нашедшая совершенный покой, обратившаяся к самой себе, выступив из мира явлений, есть чистая воля, заключенная в самой себе. Как абсолютное мышление Гегеля проходит ряд степеней своего мирового раскрытия в явлениях, для того чтобы наконец сделаться вполне самим собою, обратить самого себя в предмет своего рассмотрения и познания, и таким образом сделаться чистым мышлением, подобно тому и воля Шопенгауэра проходит целый ряд мировых объективаций для того только, чтобы, выступив из мира явлений, освободившись от необходимости объективирования, сделаться чистою волею, заключенною в самой себе и обращенною на себя. Но при этом сходстве Шопенгауэровой воли с абсолютным мышлением Гегеля, важное и решительное преимущество оказывается на стороне Гегеля, а не Шопенгауэра. Абсолютное мышление Гегеля недаром проходит цикл мирового развития: оно достигает *самосознания*, а в этом действительно заключается цель деятельности разума. Познание всех других вещей, доступных разуму, дотоле не может быть совершенным, пока не достигнуто им полное познание самого себя. Поэтому можно сказать, что истинная цель познавательной деятельности разума заключается в самопознании, что всегда признавалось наиболее значительными философами: только чрез самосознание разум, подлинно, становится самим собою; чрез самосознание дух овладевает самим собою, а обладание самим собою бесспорно есть высшее качество и даже назначение духа. Но какой смысл, спрашивается, может иметь возвращение к самой себе мировой воли Шопенгауэра после целого ряда странствований в области явлений. Назначение разума заключается в самопознании, а конечная цель воли, очевидно, в том должна заключаться, чтобы достигнуть свободы; воля должна сделаться свободною; к этому, очевидно, она стремится в своей деятельности. Как же мы должны понимать свободу воли?

По Шопенгауэру, свобода заключается не в действиях, а в самом бытии действующего; действия не могут быть свободны, так как всякое действие зависит от предшествующих ему мотивов и ими вынуждается; свобода есть независимость от всяких мотивов; поэтому свобода может быть свойственна лишь тому, что в деятельности человека предшествует всяким мотивам и есть скрытое ее основание. Такова воля, как она есть сама в себе, отдельно от всех своих проявлений. Но можем ли мы сказать что-либо определенное о такой воле, можем ли мы представить такую волю, отрешенную от всяких ее проявлений? Никакое представление о такой воле невозможно уже потому, что всякое представление есть одно из проявлений воли; характеристическою чертою всякого представления служит отношение субъекта к *объекту*, поэтому воля, когда становится представлением, то является уже объективированною, обращается в объект представления, следовательно, уже не существует в себе самой. Всякое хотение, или нехотение, будучи связано с представлением (ибо необходимо представлять предмет хотения или нехотения), не свободно и, следовательно, не есть чистая воля, — воля сама в себе, но воля объективированная. Однако же хотение неотделимо от воли: пусть хотение не есть сама воля, ибо воля едина и неизменна, а хотений может быть много, и одно хотение сменяется другим, тем не менее самое существование воли немислимо без хотения; не в том ли состоит самое бытие воли, чтобы хотеть? Мы отличаем хотение как акт воли от самой воли, лишь потому, что хотение обыкновенно понимается как отношение воли к какому-либо объекту, отличному от самой воли. Но если разуметь акт хотения как отношение воли к себе самой, то в этом смысле хотение уже не будет ограничением воли и, следовательно, нарушением ее свободы. Таким образом, свобода воли состоит в том, что воля сама для себя служит объектом, так что субъект и объект хотения тождественны, предметом хотения служит само же хотение. Чтобы хотение было вполне свободно, для этого оно должно определяться исключительно самим собою, а не чем-либо посторонним для него. Что я хочу или не хочу чего-либо, это простой факт, и этим одним фактом вопрос о свободе воли не решается, ибо самое хотение или нехотение может быть не свободно, а свободно оно тогда лишь, когда зависит единственно от воли, т. е. если я волен хотеть или не хотеть, если само хотение или нехотение есть объект воли; воля, понимаемая таким образом, зависима единственно от себя, т. е. вполне свободна.

С таким понятием о свободе воли, хотя оно теперь многими принимается, едва ли можно согласиться. Дело в том, что по философии Шопенгауэра, всякий объект есть проявление воли, ее объективация, ибо воля – вещь в себе, существо вещей, следовательно, зависимость воли от какого бы то ни было предмета есть в сущности зависимость ее от самой себя. Можно лишь сказать против этого, что всякий отдельный объект есть несоразмерное выражение воли, более определяемое другими объектами, нежели самую волю, следовательно, прямо из нее не исходящее. Поэтому воля прямо к себе относится, лишь когда отрешается от всяких определенных объектов. Но это значит, что воля свободна лишь в состоянии полной неопределенности, как простая возможность действия. Допустим, что воля существует в таком неопределенном виде, как простая возможность действия; но уже потому нельзя признать волю, понимаемую таким образом, свободною, что сознание свободы у нас яснейшим образом обнаруживается только, когда мы приходим к вполне определенному решению; без этого же мы не можем знать, свободны ли мы или нет. Притом же воля, понимаемая как простая возможность действия, лишенная всякой определенности, не есть действительная, реальная воля, а только лишь понятие о ней, образуемое путем отвлечения. Воля, как реальная сила, всегда должна быть в определенном состоянии; конечно, и реальная сила не всегда бывает действующею, пребывает иногда в состоянии потенции; но в чем состоит на самом деле то, что называется потенциальным состоянием силы? Состояние это есть не что иное, как задержанное действие силы, такое действие, для которого требуется известное условие, дабы оно сделалось ясным. Таким образом, сила в состоянии потенциальности не только не есть свободная, напротив; она становится свободною, лишь когда прекращается это ее состояние. И по Шопенгауэру воля, как действительная реальная сила, познается нами только чрез непосредственное чувство, а чувство свидетельствует лишь о данном, т. е. всегда определенном состоянии воли; как неопределенная возможность действия, отрешенная от всякого конкретного состояния, воля вовсе не существует для непосредственного чувства. Если же только чрез действие мысли, воля отрешается от всякого определенного состояния и становится простою возможностью действия, то ясно, что только разумная воля может быть свободною, или иначе, свободная воля не мыслима, как сила, существующая отдельно от ума. Воля, взятая сама по себе, отдельно от ума уже не есть воля, а тем более не есть свободная воля, но слепая сила, всякий раз вынуждаемая к определенному действию известными условиями, без которых ни действие, ни самое существование ее невозможно. Выше разъяснено, что нужно, дабы воля была вполне свободною. Свобода воли состоит в таком отрешении ее от всех посторонних для нее объектов, при котором воля относится лишь к самой себе, сама для себя служит и субъектом, и объектом. Но ведь такое отношение есть не что иное, как необходимая форма мысли. Именно только мысль может быть и субъектом, действующим и вместе объектом действия; — обращение мысли к самой себе, как известно, называется рефлексиею. Шопенгауэр сам признает, что противоположность субъекта и объекта и отношение между тем и другим есть необходимая форма деятельности ума, как силы представляющей, причем тождество, а не простая связь субъекта с объектом есть форма самосознания. Итак, если Шопенгауэр говорит, что воля может быть свободна только сама в себе, какова она есть независимо от всех своих проявлений, и единственно чрез отношение к самой себе, то это значит, что только разумная воля, имеющая сознание о самой себе, истинно свободна. А так как, по Шопенгауэру, именно свободная воля, относящаяся к самой себе, есть вещь в себе общая сущность вещей, мировой принцип, то, следовательно, сама философия Шопенгауэра приводит к тому выводу, что основанием всего сущего необходимо признать вовсе не слепую бессознательную волю (как учат Шопенгауэр и Гартман), а волю самосознательную, разумную, подобно тому, как философия Гегеля, вопреки самой себе, вынуждает признать бытие разума верховного, самосущего, пребывающего в себе независимо и прежде всякого мирового развития.

Указанная выше двусмысленность основных понятий философии Шопенгауэра происходит не от чего иного, как только от допущенной и даже утверждаемой им

раздельности воли мировой от ума. Гегель утверждал бытие разума мирового, рассматривая мир как постепенное раскрытие, как обнаружение мыслящей силы разума; но мировой или божественный разум Гегеля, или иначе, бесконечное мышление, — абсолютная идея, заключающая в себе и обнимающая собою все другие идеи, — это многоименное начало не обладает свободною волею, и хотя есть начало творческое, но творчество его состоит не в чем ином, как в мироисторическом процессе, который совершается с логическою необходимостью и представляет собою раскрытие мировой диалектики. По философии Шопенгауэра, трансцендентное основание мира есть не разум, или ум, а воля, неразумная, слепая; ибо разум есть произведение воли, последствие целого ряда объективирований воли, следовательно, сама в себе воля, как она есть независимо от всех форм своего объективирования, должна быть неразумною. Однако и Шопенгауэр не мог не признать, что акты воли, совершаемые по внушению разума, составляют наиболее совершенное обнаружение воли, следовательно, невозможно, чтобы ум не был существенно принадлежностью воли, настолько существенно, что без него воля не мыслима; по крайней мере, не может быть названа волею. Итак, разделяя волю от ума, Шопенгауэр вместе с тем, вынуждаемый самим существом дела, высказывает такие определения о воле, которые предполагают необходимую связь оной с разумом. Двусмысленность основных понятий Шопенгауэра именно от того происходит, что он то разделяет волю от ума, то по необходимости утверждает неразрывную связь их между собою. Основною формою выражения раздельности воли от разума служит у Шопенгауэра противоположность субъективного и объективного: воля — субъективна, а ум объективен. Характеризуя волю как начало субъективное, Шопенгауэр, очевидно, берет за основание такой характеристики самый способ, каким мы удостоверяемся в бытии воли: способ этот заключается в непосредственном свидетельстве субъективного чувства. Но ведь и деятельность ума познается также субъективным путем самонаблюдения или самосознания, почему же не признать в таком случае и ум началом субъективным? Деятельность ума, как познавательная, т. е. состоящая в постоянном отношении ума к объектам, есть объективная, — и вот почему ум признается началом объективным. Однако и воля также объективируется, т. е. деятельность ее состоит в производстве объектов; самый ум, что такое по философии Шопенгауэра как не особый вид деятельности воли? Но в таком случае вместо разделения воли от ума следовало бы признать ум и волю различными видами единой и нераздельной деятельности, или, иначе, нераздельными свойствами единого в своем существе, неделимого духа. До какой степени ложно допущенное Шопенгауэром разделение воли от разума, это достаточно видно уже из того, сколько неразрешимых противоречий является вследствие этого в философии Шопенгауэра. Всякое явление, по Шопенгауэру, есть не что иное как представление. А представление иначе не существует, как только в уме представляющем. Так как ум — начало объективное, то, следовательно, и все представления, существующие в уме, также объективны. Действительно, всякое представление выражает отношение субъекта представляющего к объекту представляемому, т. е. направлено на объект и значит *объективно*. Как же мы должны понимать теперь объективацию воли? Воля, как начало субъективное, должна быть вне представлений, которые объективны; она не представима сама по себе. Но, будучи субъективною сама в себе, воля вместе с тем объективирует себя, проходит различные степени объективации. Если всякий объект не иначе дан как только в представлении и есть представление, а представления существуют только в уме представляющем, то объективацию воли должно понимать как произведение его представлений, как вступление в среду представлений и, следовательно, как превращение воли из силы неразумной в разумную; воля становится умом и чрез то получает объективность. Объективация воли, очевидно, состоит в том, что воля является самой себе в виде объектов, раздельно существующих и изменяемых. Спрашивается теперь: какое значение имеет для самой воли это ее объективирование, превращение в разумную силу и вступление в среду представлений? Должно полагать, что воля чрез то становится более совершенной, ибо, как выше замечено, без разума, воля, если и существует, то и не есть

более воля. Но какой же смысл имеет после этого стремление воли отрешиться от всяких представлений и снова сделаться неразумною, чисто субъективною силою, лишенною всякой объективности, какова она в предметах неодушевленных? Или погашение воли к жизни, о котором говорит Шопенгауэр, должно понимать не как отрешение воли от разума, а наоборот, как отрешение разума от воли причем, конечно, как только разум приобретает самобытное существование, делается свободным от всяких хотений, то воля прекращает свое существование, как бы побежденная разумом. Но как же возможно, чтобы воля, которая есть вещь в себе, и будучи вещью в себе, вечна и неизменна, прекратила свое существование, а то, что есть только произведение воли, ее феномен получает самобытное существование в ущерб самой воли? Очевидно, такое предположение недопустимо. Между тем, по-видимому, невозможно остановиться и на том, что воля бессознательная, неразумная, как обладающая лишь существенным, а не феноменальным бытием, совершеннее разумной воли, которая уже не есть более сущая в себе и по себе, но перешедшая в область явлений и, следовательно, сделавшаяся феноменальною. Ибо самый процесс объективации воли, восхождение ее от одной степени к другой, от низшей к высшей в таком случае теряет всякий смысл, а еще более непонятным становится, каким образом разумный человек может находить свое благо в чисто умственном созерцании истины и красоты. Не будет ли это отрешением от существенного, истинного бытия и погружением в мир призраков: не значит ли это тешить себя сновидениями и существенным жертвовать несущественному, если сущностью мы должны признать неразумную слепую волю. Или воля должна быть признана более совершенною, когда она становится разумною; тогда уже нельзя признать благом погашение таковой воли. Или же, напротив, воля погружается в мир призраков и сама становится призрачною, феноменальною, коль скоро превращается в представляющую силу, т. е. делается разумною; в таком случае, какая надобность для воли проходит целый ряд объективации, благодаря которым она не только ничего не приобретает, а напротив теряет. Положим, воля сама в себе слепа и неразумна, следовательно, и произведения ее должны быть неразумны. Но как же после этого сама воля может сделаться разумною? Словом, разделение воли от разума привело Шопенгауэра к тому, что либо воля отрицается ради свободы и независимости разума, для которого недостойно быть орудием слепой силы, либо наоборот, разум отрицается и приносится в жертву неразумной воле, единственно ради того, что воля рассматривается как вечная и неизменная сущность вещей.

Каково же истинное взаимоотношение воли и разума? Всем предыдущим достаточно разъяснено, что воля и ум нераздельны, что ни воля не мыслима без разума, ни разум, совершенно лишенный воли, невозможен. Но при их нераздельности и необходимой взаимной связи, они составляют, однако, различные силы и открываются в различных формах и направлениях деятельности духа. Разум и воля — суть силы единого в своем существе и неделимого духа, но силы различные, так что всегда возможно преимущественное развитие либо той, либо другой силы, от чего и происходят различные направления духовной жизни, как в человечестве, так и в отдельных лицах.

Воля обнаруживается главным образом в решимости — действовать, равно как и в осуществлении принятого решения, т. е. в исполнении предположенного дела. Ближайшим образом воля проявляется в актах хотения и нехотения; но сами по себе эти акты еще не дают понятия о воле, пока с ними не соединяется решимость действовать и пока принятое решение не приводится в исполнение. Воля, следовательно, обнаруживается в отдельных действиях. Самое действие может быть либо непосредственным, когда оно состоит в исполнении отдельным лицом своих частных намерений, касающихся интересов именно этого лица; или же оно происходит при посредстве других лиц и состоит в установлении правил, предписаний, законов и увещаний, определяющих деятельность других лиц и выражающих волю, направленную на созидание не частного, а общего блага. Но по мере того, как расширяется сфера деятельности и захватывает все больший круг интересов, увеличивается значение ума, как силы сводящей частное к общему, и потому устанавливающей общие и постоянные способы действия, а равно и общие цели. Ум прежде

всего проявляется в деятельности познавательной, а так как познание состоит в замечании сходного и общего и отделении того и другого от частного и различного, то поэтому ум есть сила образующая общие идеи, как выражающие общий порядок и отношения в устройстве вещей (законы природы), так и определяющие направление и строй человеческой деятельности; последнего рода идеи суть практические. Из сказанного уже очевидно, что различие между волею и умом заключается и в том, что воля субъективна, а ум объективен, как полагал Шопенгауэр, а в том, что сферою действия для воли служит частное, тогда как ум всегда направлен на общее; даже когда воля направлена на осуществление общих идей, самое осуществление происходит в виде определенных частных действий. В личном существе духа — ум есть элемент общий, а воля — элемент частный. Потому-то науки, в которых главным образом выражается деятельность умственная — одни и те же для всех народов; напротив, законы, обычаи, нравы, в которых воплощаются стремления и действия воли у различных народов — различны. Ум развивается и совершенствуется чрез обучение и образование, главные средства и способы которого повсюду те же; воля же развивается и укрепляется посредством воспитания, которое не должно быть одинаково повсюду, напротив, должно быть прежде всего национальным, и затем в частности сообразным с тою общественною средою, к которой воспитываемый принадлежит по рождению или назначению своему.

Но самое это различие между умом и волею не показывает ли, что воля должна предшествовать уму и что ум есть произведение воли или дальнейшее ее проявление. Ведь духовное развитие человека идет от частного к общему, и потому воля проявляется в виде инстинктивных влечений и стремлений гораздо ранее, чем обнаруживается деятельность ума. Не следует ли полагать поэтому, что такое же отношение между умом и волею существует и вообще в мире? Ум мы видим только у животных и человека, а воля должна быть уже в природе неорганической; она, следовательно, есть первобытная, основная мировая сила; ум же есть уже дальнейшее проявление воли. Единство мира требует сведения всех явлений к однородному началу, и таким началом скорее должно признать волю, чем ум. Но воля до такой степени невозможна без ума, что и проявления воли инстинктивные не могут происходить без участия ума; достаточно и того, что инстинктивным проявлениям воли свойственна целесообразность, а целесообразность всегда есть выражение общей идеи. Воля есть сила органическая, а всякая органическая деятельность характеризуется господством целого и общего над частным и отдельным, что предполагает нераздельное единство ума и воли. Ум и воля, как уже сказано выше, — это не различные начала, а только разные стороны или проявления, — элементы единой организующей силы, или точнее, это разные обнаружения единого духа.